

ВОЕННИЯТ ПОТЕНЦИАЛ И СТРАТЕГИЯ НА РУСИЯ ПРЕЗ ОЧИТЕ НА БЪЛГАРСКИТЕ ВОЕННИ (1914 Г.)

**Проф. д.и.н. Милко Палангурски, m.palangurski@uni-vt.bg
Исторически факултет, ВТУ „Св.Св. Кирил и Методий“**

Резюме: След избухването на Първата световна война българското военно и политическо ръководство започва внимателно да следи мобилизационните възможности и първите месеци от участието на Русия във войната. Това става чрез военното аташе и средствата на цивилното и военно разузнаване. Българските офицери познават много добре руската армия и те формулират точния извод, че Русия или ще победи във войната, или ще се изправи пред предизвикателствата на революционен сблъсък до 48 месеца. Прогноза, която се сбъдва. Тези изводи спомагат България да остане неутрална в течение на повече от година.

Ключови думи: мобилизация, армейско ръководство, разузнаване, неутралитет

THE MILITARY STRATEGY AND POTENTIAL OF RUSSIA THROUGH THE EYES OF THE BULGARIAN ARMY

**Milko Stoyanov Palangurski, Prof., PhD in History, m.palangurski@uni-vt.bg
University of Veliko Turnovo “St.Cyril and St.Methodius“,
Bulgaria, Veliko Turnovo,**

Abstract: During the first few months of World War One the Bulgarian military and political leadership began watching closely the mobilization possibilities and Russia’s participation in the war. This was done by a military attaché, and by the means of military and civil secret services. Being well informed of Russia’s approach, the Bulgarian services predicted that in the next 48 months the country would either win the war, or a serious conflict would follow. These predictions helped Bulgaria maintain neutrality for more than a year.

Key words: mobilization, Armenian leadership, secret services, neutrality

ВОЕННИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СТРАТЕГИЯ НА РУСИЯ ПРЕЗ ОЧИТЕ НА БЪЛГАРСКИТЕ ВОЕННИ (1914 Г.)

Проф. д.и.н. Милко Палангурски
Исторически факултет, ВТУ „Св.Св. Кирил и Методий“
m.palangurski@uni-vt.bg

Известно, что в Первую мировую войну Болгария была союзницей Германии, однако до осени 1915 г., страна сохранила нейтралитет. Военный потенциал и военно-стратегические намерения Российской империи на протяжении длительного периода не вызывали специального интереса у болгарских военных. Это вовсе не означает незаинтересованности и индифферентности к роли и месте империи, поскольку большинство болгарских военных и политических лиц имели ясное представление о потенциале России и ее роли в глобальном и региональном масштабе. Восстановление в 1878 г. болгарского государства с помощью русской армии само по себе представляло достаточно яркое событие, предопределившее на долгое время господствующий в болгарском обществе взгляд на русскую армию как на глобальную военную силу.

В рядах болгарских военных отношение и оценка русской военной силы не отличались от оценок общественности. В военных кругах это было продиктовано также тремя очень важными факторами. Во-первых, армия Болгарии создавалась при активной русской поддержке – она снабжалась русским вооружением, находилась под командованием русских офицеров и руководилась по русским военным уставам. Во-вторых, следует отметить, что болгарский офицерский корпус воспитывался, формировался и развивался посредством механизмов русской военной науки и практики. Воспитанники военного училища в Софии проходили обучение у русских преподавателей по программам российских военных учебных заведений. Значительная часть лучших болгарских офицеров после поступления на регулярную службу имела возможность продолжить обучение в российских военных училищах. Таким образом, среди людей, руководящих армией, высокая оценка возможностей русской армии не подвергалась сомнению.

Не в последнюю очередь, эту относительную незаинтересованность предопределяли разные стратегические цели и, прежде всего, неодинаковые возможности двух государств. До конца Балканских войн /1912-1913 гг./ в Софии рассматривали русскую армию как возможного союзника и арбитра в балканских делах, но после краха Балканского союза поиск данных и оценка русского военного потенциала стали производиться с учетом намечающегося глобального военного конфликта.

Болгарский офицерский корпус был в числе наиболее хорошо осведомленных о состоянии русской армии – за период с Освобождения Болгарии в 1879 г. до начала войны в российских академиях, военных училищах, школах, крепостях, флоте и всякого рода курсах прошли обучение более 900 болгарских офицеров, при общем офицерском составе болгарской армии 1200 человек в мирное время. Их впечатления от русской армии были почерпнуты лично на месте. Многие из офицеров состояли на службе сразу в обеих армиях, причем к тому моменту должность полномочного министра в Петербурге занимал генерал-лейтенант Радко Димитриев – эмблематическая фигура в российско-болгарских отношениях, а военный атташе был назначен майор Григорий Иванов

Преславский. Он родился 2 мая 1880 года в городе Шумене. Он последовательно окончил Военное училище в Софии и Николаевскую академию Генерального штаба в России. До начала Первой мировой войны он последовательно служил помощником начальника Разведывательного отдела при Третьей армии во время Первой Балканской войны. То обстоятельство, что Преславский служил в военной разведке во время Первой Балканской войны именно в командуемой ген. Димитриевым Третьей армии, стало основной предпосылкой его избрания на должность военного атташе в России¹. Посольство в российской столице продолжало функционировать в обычном режиме, а военный атташе, исправно отправлял в Софию пространные отчеты о состоянии русской армии и ходе боевых действий.. Информация собиралась путем собственных наблюдений, так и от информаторов, один из которых - некий офицер Генерального штаба - часто упоминается в отчетах без раскрытия его имени и места службы.

Но к началу 1914 г. информационный поток в Софию стал указывать на то, что русская армия становилась первостепенным потребителем бюджетных средств. В поле зрения попали также параметры „Большой военной программы” и увеличение слушателей в академии Генерального штаба, составившее 50%. Среди приоритетов военного атташе, майора К. Преславского особое место занимала добыча сведений о тактических новшествах в артиллерии, об использовании новых видов оружейных систем и боеприпасов, о развитии инженерных войск и, в частности, о фортификации крепостей. Но в сводках все еще не заходила речь о возможной войне². Приближение войны и ее начало привели к изменению объема и качества информации. В Софию немедленно было отправлено расписание армии по военным округам, корпусам и видам дивизий – пехотным и конным, по пушечным и гаубичным батареям, пионерным батальонам³. Он проинформировал о прошедшей 16 июля⁴ мобилизации в Киевском, Казанском, Московском и Одесском округах. Для военного атташе „мобилизация проходит спокойно”, в связи с чем он приходит к заключению, что операции можно ожидать лишь после 25-го оперативного дня”⁵. Он особенно подчеркивает прогресс русской военно-теоретической мысли, представленной трудами А. Г. Елчанинова, Н.Н. Головина, А.А. Незнамова, Н.П. Михновича, В.А. Черемисова и других, сумевших согласовать новейшие теории ведения современной войны со спецификой и историческими традициями русской армии. Отмечается возросшая роль Николаевской академии Генерального штаба, где при подготовке офицеров был принят практический метод; организацию командно-штабных игр в военных округах в присутствии высшего военного руководства; привлечение профессоров академии Генштаба к разбору маневров; увеличение числа слушателей военных академий, школ и курсов; переработку в духе требований времени наставлений, инструкций и уставов для различных родов войск, "которые если и не достигли требуемого идеала, то представляют собой значительный шаг вперед”⁶.

¹ Проданов, Н. Майор Григор Преславский и основные аспекты его деятельности в качестве болгарского военного атташе в России (1914-1915 гг.). – В: *Modern History*. Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Выпуск XV. Уфа, 2012, 61-89.

² Държавен Военен Исторически Архив, В. Търново, /ДВИА/ ф.26, оп.1, а.е 49, л. 144-147; ф.23, оп.2, а.е 276, л. 2-3; 12-13; ф.26, оп.3, а.е 123, л.167.

³ ДВИА, ф.23, оп.2, а.е 311, л. 17; ф.23, оп.3, а.е 16, л. 281.

⁴ Даты в тексте приводятся по так называемому старому стилю

⁵ ДВИА, ф.23, оп.2, а.е 276, л. 35,36.

⁶ ДВИА, ф.420, оп.1, а.е 61, л. 621.

Лишь к началу Первой мировой войны военные наблюдатели Болгарии впервые предприняли попытку проанализировать всесторонние аспекты вступления России в войну, ее поведения и целей. Первый полный военно-политический анализ состояния и возможностей России болгарские военные произвели лишь за несколько дней до того как вспыхнул конфликт – 31 мая 1914 г. Анализ был совершен вполне профессионально, без неминуемых признаков пристрастности, но и без крайних оценок. В целом в нем преобладали политические ожидания того, что Россия постепенно пересмотрит свою позицию относительно Бухарестского мирного договора 1913 г.

Первоначально внимание болгарских военных сосредоточилось главным образом на возможностях российского Черноморского флота, который рассматривался не столько как источник угрозы для болгарского черноморского побережья, сколько как возможность десанта в районе Босфора. Это единственная сфера, в которой информация собиралась последовательно и долго, что объясняется возможностью российского флота оказаться и действовать в болгарской акватории. Как и любой другой военный представитель, болгарский атташе тоже следил за изменениями в военной стратегии России.

Начало войны не изменило взглядов анализаторов в болгарской армии, но изменило статус ген. Димитриева. На 27 июля 1914 года он отдал предпочтение российской государственной службе. Доверие, оказанное ему, было настолько большим, что перед тем как уйти в отставку с дипломатического поста, он был „прозондирован относительно оперативного плана” русским начальником генерального штаба⁷. Покидая свой пост, он изложил свою политическую и личную позицию к царю Фердинанду, заканчивая изложение категоричной оценкой: „Победа неминуемо будет на стороне российской армии”⁸. Информация собиралась как из открытых источников, путем собственных наблюдений, так и от информаторов, один из которых - некий офицер Генерального штаба - часто упоминается в отчетах без раскрытия его имени и места службы. По-прежнему сведениям о сухопутном военном потенциале России отводилось второстепенное значение. Это объясняется тем обстоятельством, что боевые действия велись к северу от румынской границы и в тот момент оставались сравнительно далеко от Балканского региона. В анализах оценивались высоко быстрые темпы мобилизации русской армии, дислокация войск и выбранная стратегия русского штаба воспринимались как единственно возможные и логичные, производился критический анализ части деятелей русского военного руководства.

Последовательно в поле зрения болгарской военной разведки попадали возможности Дунайской флотилии, оказавшейся исключительно важной для снабжения сербской армии. Но несколько неожиданно значительно бóльшая часть реальной информации стала поступать из Салоник при отслеживании каждой партии грузов, направляемых по обратному транспортному каналу через Белград к российским портам. Болгарская разведка следила за прибывающими в Салоники и перенаправляемыми по железнодорожному пути в Белград, а оттуда по Дунаю военными и другими материалами о России. Сведения были исключительно точными, так как материалы разгружались и проходили через территории, в которых болгары составляли большинство населения и была налична густая сеть разведки. В Софию прибывало огромное количество

⁷ ДВИА, ф.23, оп.2, а.е 276, л. 33, 38.

⁸ ДВИА, ф.23, оп.2, а.е 276, л. 39.

информации, обобщаемой в еженедельных таблицах и регулярно передаваемой политическим и военным факторам. Прослеживался весь процесс передвижения товаров – от тоннажа суден, причаливавших в порту Салоник, числа вагонов, загруженных амунициями, санитарными материалами, химикатами для производства пороха, аэропланами, орудиями, вплоть до количества перевозимых маслин, ликера, кофе, масла, рома и регулярно перевозимых 250 ящиков шампанского. Но внимание концентрировалось прежде всего на сведениях, связанных с новшествами в авиации, артиллерии и химической промышленности⁹.

Затягивание войны привело к тому, что анализы болгарских военных становились все подробнее и точнее. В начале осени (11 октября 1914 г.) военный атташе майор Преславски отправил свой первый отчет о войне. Это первый из ряда последовавших его обзоров, сформировавших болгарский взгляд не только относительно состояния русской армии, но также и поведения сторон в конфликте. Обзор являлся частью общей идеи болгарской дипломатии о необходимом анализе состояния участников конфликта, который позволил бы принять решение об участии в военных действиях на данном этапе.

Причины конфликта тоже были названы. На первое место поставлено морское соперничество между Англией и Германией; затем следуют русско-германские торговые противоречия. На третьем месте - австро-русское соперничество на юго-востоке Европе, на четвертом - неудовлетворенность сторон Бухарестским мирным договором, подведшем итог двух Балканских войн, на пятом - стремление вернуть "исторические" земли - Галицию, Эльзас-Лотарингию, на шестом - завоевательная политика Германии - захват рынков и распространение пангерманизма. Замыкает перечень проблема Черноморских проливов. Причины в списке расположены произвольно, а не по степени важности, а подход во многом совпадает с оценкой причин Первой мировой войны современными историками¹⁰.

Совсем логично первоначальные анализы отражали впечатление от бурных манифестаций в первые дни войны и в них война логично определялась как „одна из самых популярных из тех, которые вела Россия, и массы убеждены в конечном ее успехе”, но вместе с тем высказывается и убеждение, что „борьба будет жесточайшей и будет сопровождаться огромными жертвами”. В августе этого было вполне достаточно для оценки ситуации, тем более, что трезвый анализ ясно показал, что русская армия сделала исключительно большие шаги после Портсмутского мира. Болгарские военные определяли ее подготовку как выполненную „под величайшим напряжением всех моральных и физических усилий к общему делу с единственной целью победить в будущей войне и смыть позорное пятно 1904-1905 гг.”.

Ожидалось, что мобилизация будет осуществлена в необходимые сроки, особенно ввиду предварительной неоглашенной мобилизации Одесского, Киевского, Московского и Казанского военных округов, которая началась еще 13 июля 1914 г., опережая на несколько дней официально объявленную мобилизацию. Территориальная структура мобилизации воспринималась как более успешная и эффективная, чем объясняется почему мобилизация прошла успешно и в достаточном объеме еще в первые 7-10 дней. На базе хорошо

⁹ ДВИА, ф.23, оп.2, а.е 311, л. 39,42,47,49-52,54,61-62.

¹⁰ ДВИА, ф.420, оп.1, а.е 61, л. 620.

известной пропускной способности русских железных дорог болгарское командование ожидало, что в полном объеме мобилизация будет завершена за 30-35 дней. Ожидаемое первоначальное число мобилизованных составляло 7 250 000, при возможном максимуме в 8 до 10 миллионов обученных лиц. Единственное затруднение заключалось в больших расстояниях и в „небольшой густоте железнодорожной сети”.

Железнодорожные сообщения воспринимались как главный стратегический недостаток русской армии, особенно в сопоставлении с немецкими и австрийскими, а также с железными дорогами на оперативном театре в Пруссии, Польше и Галиции. Оборонительные рубежи по берегам рек Западная Двина, Висла и Одер, которые сочетались с сетью крепостей, воспринимались как вполне достаточные, чтобы удержать атаки противника, при этом допускалось и возможное стратегическое отступление от Варшавы из-за необходимости выровнять линию фронта. Основные оперативные театры – Северо-восточный и Юго-западный – были вполне предвидимы. Не зная подробного оперативного плана Российской империи, майор Преславски логично предвидел, что русская армия направит свои наступательные действия в основном на Австрию, одновременно пытаясь удержать немцев на р. Неман. Это был анализ, опирающийся на целом ряде политических, экономических, национальных и военно-стратегических сведений, который в общих чертах оказался вполне верным.

Заключения болгарской военной мысли о роли русской армии были логичными. В конце сентября 1914 года майор Преславский обобщил: „Русским удалось сосредоточить на своей западной границе довольно внушительную массу, имеющую за собой неисчерпаемые запасы людей и проч., необходимые для ведения достаточно продолжительной войны. Простой солдат и офицер, глубоко проникнутые чувством долга перед императором и „Матушкой Россией”, сражаются безукоризненно, однако ими плохо командуют”. Отсутствие маневренности может привести к сильному удару по русским планам, что чревато „серьезными внутренними сотрясениями”. Однако, „имея в виду, что время работает на русских, и если война затянется, они будут становиться все сильнее... то, в конце концов, благодаря своему громадному численному превосходству, русские сумеют подавить своих западных противников, если, конечно, к тому времени какие-нибудь политические события в Европе и в других частях света не изменят нынешние политические группировки”. Сразу же после ознакомления с докладом болгарское правительство припрятало подготовленные проекты договора с Германией и стало дожидаться лучших времен для вступления в войну.

Высокую оценку получила теоретическая подготовка, обеспеченная введением новых методик в военном образовании, а также практическое обучение офицеров и рядового состава. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич - "единственный из великих князей имеет высшее военное образование... , обладает солидным общим и военным образованием и обширным опытом строевой службы. Человек исключительной воли, настойчивый, суровый до грубости и очень резкий. Любим народом и обожаем всеми чинами армии, пользуется заслуженным доверием. Все они уверены, что он употребит все средства для достижения полного успеха". Однако не так обстояли дела с главным командованием и высшим командным составом армий и корпусов. Начальник штаба Н.Н. Янушкевич характеризуется как человек почти неизвестный в армии и получивший свой высокий пост благодаря

семейным связям. Он скорее хороший администратор, а не начальник Генштаба: "Человек с устаревшими взглядами, педант, рутинер без широкого размаха мысли" „Как общую характеристику всех остальных высших начальников – пишет майор Преславски – можно отметить следующее: почти все они довольно солидного возраста (55-60 лет) и имеют устаревшее понятие о ведении современной большой войны... Ошибки, совершенные в войнах 1854-го, 1877-го и 1904-го гг., повторяются в широчайшем масштабе. Отзыв о главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта Н. И. Иванове звучит так: "Человек с солидным строевым и боевым опытом. Во время русско-японской войны командовал III Сибирским корпусом, действия которого признаны одними из лучших. Его простота в жизни и общении успела завоевать ему любовь подчиненных. Спокоен, вежлив, с большим вниманием относится к советам своего замечательного начальника штаба генерала Алексева, который и является фактически командующим группой". Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта генерала от инфантерии Н.В. Рузский определен как о человеке сильной воли, настойчивом, с большим опытом строевой службы, "прост в жизни и исключительно любезен в общении, любим всеми и пользуется полным доверием своих подчиненных". Во многих местах ошибки высшего командования обходятся ценой жизни тысяч и тысяч солдат и офицеров (например, катастрофа армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии)"¹¹.

В последние дни 1914 года в анализах Преславского, однако, появились сведения о больших потерях и заключение о том, что „облик всех войсковых частей почти совершенно изменился”. Отмечается снижение численности офицерского состава – до 60-70% строевых, рядового состава и животных. Отмечается нехватка одежды, снарядов, винтовок. Пагубные последствия имели потери среди офицерского состава. " К 1 ноября убито и тяжело ранено около 8000 офицеров и около 20 - 22000 легко ранены. Во многих строевых частях остались невредимыми по 1 - 3 офицера". Меры, предпринятые для восполнения некомплекта офицеров, такие как: ускоренный выпуск из военных училищ; производство в младшие офицеры отличившихся нижних чинов; направление в войска "прапорщиков запаса", не могли не сказаться на снижении качественных характеристик офицерского корпуса русской армии, а следовательно на управлении войсками.

Не ускользнули от внимания болгарского офицера и трудности в снабжении вооружением. "Если учитывать, что российские оружейные заводы не в состоянии удовлетворить нужды армии даже в мирное время, и что купленные в Японии винтовки не превышают цифры 400 -500000, то с уверенностью можно утверждать, что русская армия продолжает испытывать большую нужду в 3 -х линейных винтовках. Эта недостача видна в запасных частях полков, где половина призывников вооружены 3-хлинейными винтовками и винтовками Бердана № 2, а остальные - совсем не вооружены. Русские оружейные заводы также не в состоянии в скором времени восполнить некомплект орудий, который особенно сильно чувствуется теперь, после потери внушительного количества орудий". Закупка артиллерийского и стрелкового вооружения за границей порождали новую проблему: многообразие систем и калибров затрудняло снабжение армии боеприпасами.

Как положительная черта подчеркивается все еще хорошее снабжение продуктами питания, а функционирование полевых кухонь оценивается высоко.

¹¹ ДВИА, ф.23, оп.2, а.е 276, л. 140-146.

В целом, „солдат хорошо обут и одет и всегда хорошо накормлен, за исключением некоторых частей, оперирующих в Галиции и далеко от железнодорожных путей”. Отчет содержит и оценку морального состояния армии и общества. "Офицеры и нижние чины, вернувшиеся с фронта, - пишет болгарский офицер, - единодушно рассказывают о страшном утомлении и истощении людей. Все в армии с нетерпением ожидают скорейшего заключения мира, т. к. предшествующий ход событий показал, что дальнейшее продолжение войны не принесет абсолютно никаких эффективных результатов".

Но это не меняет пессимистическую в целом оценку, и накануне 1915 года уже принимается, что „боеспособность всех войсковых частей значительно снизилась и едва ли следует ожидать от них серьезных наступательных действий”. Анализ военной силы и общественных настроений привел к заключению, „что внутреннее положение не удовлетворительное и что вполне вероятны смуты”, особенно если этому будет способствовать какая-либо большая военная неудача. „Русское наступление и вообще русский оперативный план окончательно скомпрометированы” и предстоит „мертвая точка в военных операциях” и выход из войны путем „всевозможных политических компликаций со стороны нейтральных государств”. Автор подчеркивает расточительный характер использования воинских кадров и, как следствие, изменение качественного состава армии: "В целом, все вооруженные силы которыми располагает империя, уже введены в действие и внутри страны оставлены лишь маленькие гарнизоны и запасные части. Вследствие огромных потерь, почти все полки уже по несколько раз пополняли свой состав из запасных частей, из-за чего облик всех войсковых частей совершенно изменился. Во многих пехотных полках, численность первоначального состава едва достигает 2 - 3 офицера и 200 - 300 солдат. Многие конные части потеряли большой процент конского состава <...>. Поскольку многие артиллерийские бригады потеряли значительное количество орудий, то батареи состоят из 6 орудий. Исходя из вышеперечисленного, прихожу к заключению, что боеспособность всех войсковых частей значительно сократилась и едва ли можно ожидать от них серьезных наступательных действий... Офицеры и нижние чины, вернувшиеся с фронта, - пишет болгарский офицер, - единодушно рассказывают о страшном утомлении и истощении людей. Все в армии с нетерпением ожидают скорейшего заключения мира, т. к. предшествующий ход событий показал, что дальнейшее продолжение войны не принесет абсолютно никаких эффективных результатов". Упадок духа в армии, связанный с постоянными неудачами и огромными потерями, выразался, в частности, в увеличении случаев "самострела", что вызвало ужесточение законодательства против умышленного членовредительства¹²

В Софии еще раз понимают, что с включением в войну не стоит торопиться, а нужно набивать цену своего участия.

По мнению военных наблюдателей, „Россия покинула территорию сентиментальности и всецело повернулась к чисто национальным интересам” и „в конце концов, благодаря громадному превосходству в численности, русские сумеют подавить своих западных противников, если, конечно, к тому времени некоторые политические события в Европе и в других частях света не изменят нынешних политических группировок”¹³. Таким образом, анализы болгарских

¹² ДВИА, ф.420, оп.1, а.е 61, л. 633-635.

¹³ ДВИА, ф.420, оп.1, а.е 61, л. 620-630.

военных практически способствовали становлению выжидательной позиции политического руководства Болгарии и в 1914 г. вступление Болгарии в войну было отложено больше чем на год.

Нет сомнения, что содержание отчетов из Петербурга становилось достоянием не только болгарских военных, но и соответствующих структур дружественных Германии и Австро-Венгрии и могло оказывать влияние на принятие ими тех или иных политических и военных решений.

Что касается внутреннего положения в стране, то арест пяти левых депутатов Государственной Думы по обвинению в антивоенной агитации оценивается "серьезный симптом плохого внутреннего состояния империи". Военными неудачами в Польше, недовольство союзниками, дефицит бюджета в связи с введением "сухого закона" дали основания прийти к следующему выводу: "Имея в виду вышеизложенное, остаюсь под впечатлением, что внутреннее положение империи не является хорошим и что очень вероятны беспорядки. Их вероятность возрастет в случае возникновения некой внешней причины например возможной крупной неудачи в Польше". В этом прогнозе Преславский оказался прозорлив: «Российская империя выдержала еще два ужасных военных года, прежде чем произошло ее крушение.»¹⁴ .

---

¹⁴ ДВИА, ф.420, оп.1, а.е 61, л. 637-638.